

А. В. Иванов
УрГЭУ, г. Екатеринбург

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Событие такого масштаба, как гражданская война, в которой в открытом противоборстве сходятся враждебные друг другу силы, неизбежно сопровождается борьбой идей. Она не утихает и после того, как это событие становится достоянием истории. Каждая из сторон, будь она победившей или побежденной, стремится доказать свою правоту, претендует на истину в последней инстанции. Разрешить их спор призвана историческая наука, которая с определенной хронологической дистанции должна трезво и непредвзято восстановить объективный ход событий, выяснить их причинно-следственные связи, оценить их значение и последствия в жизни народа, страны, наконец, человечества в целом.

Однако в силу различных методологических подходов, идеологических установок, политических пристрастий и т. п. историки по-разному оценивают одни и те же события, высказывая порой прямо противоположные точки зрения. Отсюда вытекает особая значимость историографических исследований, позволяющих критически проанализировать накопленный научный материал, выявить основные концептуальные подходы, которыми руководствовались ученые, изучавшие тот или иной исторический факт, и на основе этого составить (по крайней мере попытаться это сделать) объективную картину происходивших событий.

Это актуальность поднятой проблемы в узком смысле, т. е. применительно к изучению историографического освещения взаимоотношений Общества и Власти в период Гражданской войны. Вместе с тем, можно говорить об ее актуальности и в широком смысле, основываясь на возрастании роли именно историографических исследований в развитии исторической науки в целом. Сверхзадача, которую ставит перед собой историческая наука, – максимально точная реконструкция важнейших событий в жизни человеческого общества, имевших место в его прошлом – неважно: отдаленном или недавнем, и их логическое осмысление. Между тем, воссоздание картины прошедшего со 100-процентной точностью невозможно. Выражаясь математическими терминами, возможно лишь асимптотическое приближение реконструируемой действительности к реально существовавшей, что обусловлено особенностями субъективного отражения окружающего мира человеческим сознанием.

Отсюда следует вывод: картину исторических событий, максимально приближенную к реальной, можно реконструировать лишь на основе изучения и сопоставления максимального количества источников, а также всего того, что было написано историками по данной проблеме.

При этом вторая часть этого вывода представляется особенно важной. Дело в том, что лично ознакомиться со всеми источниками одному исследователю просто не под силу. Да и нелепо было бы каждому изучающему ту или иную проблему каждый раз делать это заново, если определенная группа источников уже введена в научный оборот. Он должен опираться на критическое осмысление достигнутого его предшественниками и современниками. Поэтому историографические исследования являются, на мой взгляд, важнейшей составной частью процесса изучения Истории.

Постановка проблемы предполагает определение территориальных и хронологических рамок исследования. По первому из этих пунктов в научном сообществе существует определенный консенсус. Как правило, говоря об Урале начала XX в., историки включают в это географическое понятие территории Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний по административному делению на 1917 г. Однако в ходе Гражданской войны административные границы неоднократно перекраивались. К примеру, в 1918 г. из состава Пермской была выделена Екатеринбургская губерния, в 1919 г. создается Челябинская, включившая в себя ряд уездов Оренбургской и Уфимской губерний. В том же году на карте Урала появляется Башкирская автономная республика (в нее вошли территории, ранее относившиеся к Уфимской и Оренбургской губерниям), а в 1920 г. – Вотская автономная область, выделенная из состава Вятской губернии.

Не остались в стороне от этого процесса и антибольшевистские государственные образования. Так, Временное областное правительство Урала планировало распространить свои полномочия на огромную территорию от островов Новой Земли до Аральского моря. Правда, из-за соперничества с Временным сибирским правительством и Самарским комитетом членов Всероссийского учредительного собрания, а также вследствие отсутствия необходимых финансовых средств и военной силы его реальная власть распространялась лишь на три уезда Пермской губернии: Екатеринбургский, Красноуфимский и Кунгурский, – а также на Невьянский район, Кыштымскую и Каслинскую волости.¹ Все это осложняет работу исследователя, требуя внимательного учета происходивших административно-территориальных изменений. Тем не менее, как уже было сказано выше, территориальные рамки региона определяются с высокой степенью точности.

Гораздо более сложной представляется задача установления хронологических рамок исследования. Вопросы, касающиеся сроков начала и окончания Гражданской войны, ее периодизации, по-прежнему остаются дискуссионными, несмотря на все попытки историков выработать единый подход к проблеме. Как известно, советская историография рассматривала революционные события 1917 г. (четко разделяя при этом «буржуазно-демократический» и «социалистический» этапы революции) и Гражданскую войну как, безусловно, взаимосвязанные, но самостоятельные исторические факты. Началом Гражданской войны считалось вооруженное выступление Чехословацкого корпуса в мае 1918 г., а окончанием – разгром армии генерала П. Н. Врангеля в ноябре 1920 г. Сегодня этой концепции продолжает придерживаться целый ряд исследователей. В частности, С. Г. Кара-Мурза определяет хронологические рамки Гражданской войны 1918–1921 гг.²

Большинство же современных историков рассматривают ее как составную часть единого революционного процесса, расходясь лишь в датировке начала и окончания. Так, И. Ф. Плотников и Н. И. Дмитриев определяют хронологические рамки Гражданской войны 1917–1922 гг., при этом за точку отсчета берут октябрь 1917 г. – захват власти большевиками.³ Свою периодизацию Гражданской войны предложил Ю. А. Поляков, отнеся ее начало к событиям февраля 1917 года, приведшим к свержению монархии.⁴ Этот выбор вполне логичен с точки зрения содержания понятия «гражданская война», поскольку им обозначается такое состояние общества, которое характеризуется его расколом по социальному признаку и открытым вооруженным противостоянием его различных слоев и групп. Есть и еще более широкие толкования. Например, работающий в США итальянский историк А. Грациози расширяет рамки Гражданской войны в России до 1917–1933 гг., то есть до завершения коллективизации.⁵

Отметим, что с учетом территориальной локализации исследования, хронологические рамки Гражданской войны в нашем регионе несколько сужаются. Дело в том, что на Урале события февраля-октября 1917 г., хотя и характеризовались социальным расколом, однако, в отличие от Петрограда и некоторых других мест, не вылились в вооруженные столкновения, в массовое применение методов революционного насилия. Поэтому представляется вполне обоснованным сдвинуть исходную точку Гражданской войны (подчеркну: для Урала) на октябрь 1917 г., поскольку именно с этого хронологического рубежа вооруженная борьба становится главным средством решения политических вопросов. Что же касается окончания Гражданской войны на Урале, то, несмотря на завершение активных боевых действий регулярных вооруженных сил на

территории региона к осени 1919 г., точка в вооруженном противостоянии не была поставлена. Факты свидетельствуют, что на протяжении всего 1920 г. в регионе продолжалось активное крестьянско-казачье повстанческое движение. Его кульминацией стало Западно-Сибирское восстание 1921 г., втянувшее в свою сферу ряд уездов Урала. Только летом 1921 г. основные очаги восстания в пределах уральских губерний были подавлены. Именно этот рубеж можно рассматривать в качестве завершающего почти четырехлетнюю Гражданскую войну на Урале.

Что касается объекта исследования, то им является система общественных отношений по линии «Власть – Общество», сложившаяся и эволюционировавшая в период Гражданской войны в Уральском регионе. Такая постановка проблемы предполагает анализ внутренней политики всех государственных образований, функционировавших на территории Урала в 1917–1921 гг.: местных органов Временного правительства в последний период его деятельности (осень 1917 г.); местных органов советской власти; органов власти антибольшевистских государственных образований. К числу последних следует отнести не только Временное областное правительство Урала и Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, но и Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Самара), Временное сибирское правительство, Прикамский комитет членов Учредительного собрания (Ижевск), под юрисдикцией которых находились значительные территории Урала и Приуралья. Попытки консолидации сил контрреволюции привела к созданию органов, претендовавших на всероссийскую власть, таких как Временное всероссийское правительство (Директория), а после переворота 18 ноября 1918 г. – Российское правительство адмирала А. В. Колчака. Советская историческая наука достаточно подробно, но тенденциозно исследовала практическую деятельность как органов советской власти, так и антибольшевистских государственных образований. Причиной тому стала ситуация выбора между научной объективностью и политической целесообразностью, в которую были поставлены исследователи. Деятельность антибольшевистских правительств изображалась ими как антинародная, направленная на реставрацию дореволюционных порядков, на лишение рабочих и крестьян всех завоеваний, достигнутых ими в ходе напряженной борьбы. Упор делался на репрессивные методы подавления недовольства народных масс и прямой террор. Историографическая ситуация изменилась в 90-е гг. прошлого века, когда отечественная историческая наука отказалась от идеологических стереотипов в пользу более реалистичного подхода к освещению событий периода Гражданской войны. Доминирующей тенденцией стала переоценка политики и практической деятельности антибольшевистских правительств, особенно в области

социально-экономических отношений, трудового законодательства. Выдвигается и обосновывается идея их надклассовой сущности, доказываемая стремление контрреволюционных государственных образований играть роль некоего арбитра в противостоянии буржуазии и пролетариата. Борьба двух указанных трендов обуславливает необходимость глубокого анализа историографических и исторических источников с целью воссоздания реальной картины событий.

Однако проблема этим не исчерпывается. Не менее (а может быть и более) важным является исследование участия в событиях Гражданской войны противоположного (в данной дихотомии) актора исторического действия – Общества. Перед исследователем встает задача выяснения характера взаимодействия различных социальных слоев и групп (рабочих, крестьян, казаков, интеллигенции, буржуазии, дворянства, офицерства и пр.) с государственной властью. Это взаимодействие было весьма динамичным и эволюционировало от полной и безоговорочной поддержки того или иного режима к его столь же безусловному отрицанию и наоборот. Во взаимоотношениях почти всех социальных групп того времени (за исключением, может быть, дворянства и крупной буржуазии, чьи позиции оставались неизменными в течение всей Гражданской войны) имели место периоды эйфории и разочарования действиями властей. Так, значительная часть рабочих Урала поддержавших политику большевиков в первые месяцы существования советской власти, уже весной-летом 1918 г. встала в оппозицию режиму диктатуры пролетариата. Свидетельство тому – антибольшевистские выступления на ряде уральских заводов и их кульминация – Ижевско-Воткинское восстание (август-ноябрь 1918 г.). Однако политика правительств демократической контрреволюции и пришедшей им на смену военной диктатуры А.В. Колчака в итоге все же обусловила изменение вектора симпатий рабочего класса в сторону советской власти. Столь же тернистый путь прошло и крестьянство региона, которое довольно индифферентно, но в целом лояльно встретило большевистский переворот. Однако пресс продовольственной диктатуры вызвал массовое недовольство крестьян и их переход на сторону антибольшевистских сил. Мотивация обратного перехода уральской деревни на сторону советской власти в отечественной историографии неоднозначна, с трудом поддается рациональному объяснению и требует дальнейшего исследования. Что же касается казачества уральского региона, то вряд ли можно вести речь о добровольном принятии им советской идеологии и модели общественного устройства. Потерпев военное поражение в Гражданской войне, оно было вынуждено капитулировать, подчиниться силе и попытаться хотя бы на бытовом уровне сохранить свою этнокультурную идентичность.

Приведенные примеры подтверждают сложность и многоплановость поставленной проблемы. Для ее успешного решения необходимо отказаться от бытовавшей в советской историографии концепции, согласно которой политика советской власти в сфере социальных отношений аксиоматически признавалась соответствующей интересам народных масс, а аналогичная политика антибольшевистских правительств столь же категорично определялась как антинародная. Но нельзя впадать и в другую крайность – идеализировать оппонентов большевиков, считая их единственными носителями гуманистических идей, общечеловеческих ценностей, что имеет место в современной научной и особенно научно-популярной литературе.

Необходимо на основе критического анализа исторических и историографических фактов дать взвешенную оценку системе социальных отношений периода Гражданской войны в динамике их развития и изменения.

Примечания:

¹ См. подробнее об этом: Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). Новосибирск, 2008. С. 39–41.

² См.: Кара-Мурза С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века. М., 2003.

³ См. Плотников И. Ф., Дмитриев Н. И. Гражданская война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 163–164.

⁴ См.: Поляков Ю. А. Гражданская война в России – возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 41.

⁵ См.: Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.